

Виктор Вургафтик

Вариация на систему Я.С. Друскина

Киев Июль /14-15/

1972

Бог абсолютно ответственен, ибо является единственным творцом сущего. Он также абсолютно безответственен, потому что нет никого, перед кем Он должен был бы отвечать. Он пожелал сотворить меня по Своему образу и подобию и возложил на меня Свою абсолютную безответственность, а абсолютную ответственность оставил у Себя. И Он отвечал за всё Своё творение, в том числе за меня, но я не видел этого – я не видел, что Он отвечает за меня, а я абсолютно безответственен. И Он пожелал, чтобы открылись глаза мои. И приступил ко мне змий и сказал: ты один и сам отвечаешь за себя. И вот в страхе я напряг все силы, чтобы поднять эту ответственность, но не смог, потому что нельзя отвечать за себя, то есть за свою неприкосновенность, не отвечая за весь мир, силы же, данные мне Богом, конечны. С тех пор я в постоянном напряжении – в старании взять на себя абсолютную ответственность – и вижу уже свою абсолютную безответственность и слабость, которыми теперь не живу. Когда я жил ими, я их не видел, потому что был слеп, теперь же, когда открылись глаза мои, я могу видеть лишь их отсутствие, я могу видеть, что не вижу Бога, Который за всё отвечает.

Моё постоянное напряжение есть бунт против Бога, своеволие, потому что в нём я по мере сил стараюсь отвергнуть абсолютную безответственность, которую Он мне дал. Оно искажает мою душу, и в нём состоит мой грех. Напрягшись, чтобы поднять абсолютную ответственность, я пал во грехе. Мой грех не может нарушить Божью волю, потому что я могу лишь стараться взять на себя ответственность за себя, реально же мне это не по силам, ибо требует принятия ответственности за весь мир. Но он рождает иллюзию, будто я и впрямь могу держать и держу себя, а Бога, Который и меня и всё держит, вообще нет. В нём открылись мои глаза, но он и застлал их туманом, усыпил меня, и теперь во сне я вижу время и материальный мир. И бывает, что я не вижу не только своей абсолютной безответственности и Бога, отвечающего за меня и всё сущее, но и того, что я не вижу своей абсолютной безответственности и Бога. Тогда я вижу лишь мою иллюзию, мой сон.

Могу ли я освободиться от старания понести абсолютную ответственность, то есть проснуться? Если моё старание и напряжение достигает невероятной силы, я просыпаюсь от ужаса и отчаяния, в вопле: это пришёл Христос и освободил меня от моего сна. Или, устав от усилия, я расслабляюсь и говорю: ведь на мне абсолютная безответственность, я могу этого не делать; я за это не отвечаю, за это отвечает Бог. И вот уже я не силюсь поднять какую бы то ни было ответственность, я уповаю на Бога и говорю: да будет воля Твоя. Я абсолютно свободен и безгрешен – хотя бы одно мгновение.

Для этого недостаточно так подумать или принять решение: надо реально, экзистенциально оставить старание взять на себя ответственность, оставить напряжение, усилие. И нельзя даже сказать, что это надо – всякое «надо» предписывает не оставление ответственности, а принятие её, пусть даже это будет ответственность за оставление ответственности, то есть за свою душу – на деле опять-таки за весь мир. Мне именно не надо – не надо тщиться поднять бесконечность, не надо и думать или принимать решение, ибо и это не освобождение от ответственности, а старание принять её. Даже если я оставляю размышление, это не теоретический, не мыслительный акт, ведь размышление может лишь продолжить размышление, а не прервать его.

Всякое «надо» означает ответственность, то есть грех, только «не надо» – реальное, экзистенциальное «не надо» – есть безгрешность и абсолютная свобода. Могу ли я сам его осуществить? Что вообще я могу сам? «Я могу» значит «у меня мощь /сила/». «Я могу снять усилие» означает «у меня сила не имеет силы», то есть абсурд. Я могу именно прилагать усилие, именно стараться поднять бесконечную ответственность – бунтовать против Бога, грешить. Только Бог даёт мне утратить мою силу, отступить от абсолютной ответственности. Когда я в живой, экзистенциальной надежде на Бога отказываюсь от какой-либо ответственности – и тем самым от ответственности вообще, – когда, опустив руки, я практически отступаю от какого-то очередного дела, я вижу – не теоретически, а всем своим существом – свою абсолютную безответственность и то, что со мною Бог, Который за меня отвечает. Я вижу, что усилия мои ничего не стоят, что не сам я себя держу, но Бог меня держит. Глаза мои открыты, и уже есть им, что созерцать.

Если эти акты не редки, я не утрачиваю хотя бы видения того, что я не вижу – своей безответственности и Бога, – но и тогда я не застрахован от страха, боли, раздражения. Раздражают меня больше всего люди, которые от меня бесцеремонно чего-то хотят. В страхе, что пострадает моё достоинство в глазах человеческих, я забываю или отметаю мою безответственность и надежду и весь сжимаюсь в усилии себя поддержать. В видении своего невидения обезопасен и от боли. Бог посылает мне испытание на слабость, живое чувство безответственности и надежды, а я сознательно или бессознательно /рефлекторно/ напрягаюсь, чтобы его устранить. Когда, при несильной боли, я, наоборот, расслабляюсь, уходя таким образом от ответственности за свой организм, я уже не испытываю её. И страх может овладеть мною. Его вызывают обыкновенно события, грозящие существенно выбить мою жизнь из привычной колеи. Я не удерживаюсь от того, чтобы вникать в эти события, истолковывать их благоприятным для себя образом, даже инициативно участвовать в них. Я стараюсь взять на себя ответственность за них, вместо того чтобы внутренне отойти от них, экзистенциально зная, что Бог не попустит зла; тогда страх, поддерживаемый именно моим напряжением, исчезнет.

Да, не будь этого напряжения – старания взять на себя ответственность, не будь греха, не было бы ни боли, ни раздражения, ни страха. Под этими масками мою душу терзает напряжение, почти постоянно искажающее её, и оттого они

так помогают друг другу, в особенности боль и ужас. Под разными личинами мою душу терзает грех. И для меня хорошо не поддаваться соблазну на гнев, боль, ужас большим усилием, только усиливающим гнев, боль и ужас. Для меня хорошо снимать усилие – мягко делать то, чего хотят от меня, не добавляя от себя лишнего, расслабляться в безответственности и надежде, испытав боль или в виду пугающего события, – и тогда не терзание будет чувствовать моя душа, а чистую радость оттого, что она соединяется с Богом.